

МИХАИЛ ФАДЕЕВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОКТЯБРЬ

Свидетельства участников событий

Когда меня спрашивают, заранее поднося палец к виску — чтобы покрутить им, словно дырку высверливая, — какого рожна я и мои товарищи в октябре 93-го полезли в самую гущу событий, ведь как ни смотри, а всё оказалось напрасно, несмотря на все жертвы, и стоило ли их то, за что принесены были, — у меня нет готового ответа, хотя подобными вопросами я и сам нередко мучаюсь, особенно вблизи роковой даты — ежегодно. Никогда не забыть, как вернулся вечером 3 октября в Черноголовку на одном из последних автобусов 320-го маршрута, как встретила на пороге жена и, быстро поняв, что красные разводы и пятна на обуви и одежде — не абы какая грязь, а скорее всего кровь, бросилась ощупывать да осматривать супруга на предмет повреждений.

— Ну что, что? — измученно отвечал я, — цел, цел, но побили наших, как есть всех положили! Слушай, эти, с автоматами — они же там русские ребята, мы же за них шли, а они по нам — очередями из всех стволов! Как после этого жить-то?!

И хоть в тот день жизнь — свою и чужую — спасти приходилось неоднократно, жить и вправду при осознании перенесенного не очень хотелось рядом с теми, кто все это устроил. Включил телевизор — там перекошенная физиономия Сванидзе: “Мы спровоцировали их, заставили вылезти из щелей!” — это и обо мне, значит! — “они получили свое по заслугам, теперь их спокойно можно будет добить!” Как же я ненавидел его тогда! Сейчас? Чувства теплее не стали, лишь острота ощущений прошла, с ней действительно жить нельзя было, и к причастию не допустил бы поп, если б открылся на исповеди.

До сих пор с тяжелым чувством отслеживаю на экране тех, кто был “за Ельцина”, кто разжигал и науськивал... Ещё хуже — с более близкими согражданами-черноголовцами, отметившимися в те дни застрельщиками огненно-свинцовой кары. Что мне думать о полном лысоватом человеке, кричавшем в зале Дома ученых: “Да, стреляли, и впредь будем стрелять!”? У меня до сих пор перед глазами, как он взмахивал при этом рукой — словно перед строем расстрельной команды. Ладно, он отдал Богу душу, не передо мной ему извиняться. Но еще жив, возможно, тот, кто “стукнул куда следует” о проехавшем мимо Черноголовки грузовике с моряками из Дуброво, спешившими на помощь осажденному Верховному Совету. Их командир, капитан-лейтенант Игорь Остапенко, не прорвавшись через очередную огневую засаду у Чкаловского поворота на Щёлковском шоссе, пустил себе пулю в висок, но не сдался омонцам. Памятник ему, несмотря на скромные размеры, из космоса вполне различим, если приглядеться, на электронной карте “Яндекса”.

Вплоть до несчастного исхода марша на Останкино у нас сохранялось ощущение близкой победы. Когда после прорыва за Крымский мост мы погнали вяло сопротивлявшиеся батальоны дивизии имени Дзержинского – за воняющие милицейской “черемухой” Зубовскую и Смоленскую площади к Новому Арбату и дальше, к Белому Дому, то казалось, что так, на плечах противника, и в Кремль залетим, не остановил даже первый обстрел колонны перед зданием мэрии и вид первых убитых товарищей – на одном дыхании прорвали осаду Дома и захватили стрелявшую мэрию – те первые залпы не были прицельными и массированными. Потом эти же самые быстро бегающие “дзержинцы” и охрана были собраны, по-видимому, хорошо “вздрычены” горластым подполковником Лысюком, будущим Героем России, и посланы вдогонку той же самой колонне, теперь направлявшейся на Останкино.

Трезвый расчет показал бы, что Останкино – стратегический объект, управляемый из Центра, выйти в эфир нам все равно бы не удалось, но это был стихийный, эмоциональный порыв разогретых победным маршем людей: “Ящик, главное оружие манипулирования умами, в руках негодяев. Зло к нам из него пришло, отобьем – и все станет по-другому, разбудим страну, сбросим оккупантов, восстановим Союз”.

Вот почему мы идем огромной пешей колонной на далекое от Белого Дома Останкино, и другого пути у нас нет. Башня – далеко слева, за сквером. Идем туда весело, как-то уж очень дружно, двигаемся по проезжей части, транспорт отсутствовал. Перекрикиваемся с застывшей на тротуарах толпой, людьми, прильнувшими к окнам. На нас не только смотрели, были и сочувствующие и даже примкнувшие по ходу. Вот “крутой” подкатил на “мерседесе”:

– Куда идете?

– Мэрию взяли! На Останкино!

Резкий разворот – и умчался. Не наш.

Я шел где-то в третьей от головы шеренге. Господи, какие же красивые люди меня окружали. Нигде больше я не видел таких прекрасных женщин. Что случилось с той, белокурой и юной, что шла чуть впереди? Где сейчас парень, похожий на Айвенго? Первый раз я видел его в схватке на Смоленской, и вот он идет неподалеке среди товарищей с трофейными щитом и дубинкой.

Мужчина с рюкзаком – приехал на подмогу из Белгорода и прямо с вокзала – к нам, пожилой кавказец в папаче – из Кабарды... Я не знаю, что с ними стало. Но я не вправе о них забывать и не вправе хоронить в своей памяти. Напряги воображение, читающий эти строки, пусть восстанет на мгновение простреленный снайпером парень, пусть глянет на тебя веселыми глазами оставшийся в живых в передраге, да не усомнись же в своём участии. Да, всё кончилось крахом, но мы не уподобились жертвенным баранам и дали последний бой.

Шесть вечера, проспект Мира. Ведущий колонну депутат Верховного Совета генерал Борис Тарасов требует соблюдать строй, лозунги скандирует в мегафон, но “армия” запыхалась, сзади кричат: “Товарищ генералиссимус! Ваше превосходительство! Короче шаг, не поспеваем!” Вот и автобусы с грузовиками начали подкатывать спереди и партиями увозить людей вперед. Проехал и я последние несколько кварталов на автобусе; пешая колонна подошла минут сорок спустя, когда уже начался расстрел, и голова ее попала под перекрестный огонь.

Когда, спустя пару секунд тишины, автоматные очереди зелёными брызгами пронизали толпу, мне удалось отбежать и около часа пришлось отсиживаться за небольшим автобусом-“пазиком” в зоне огня. Рядом прижались к его борту ещё десятка полтора столь же удачливых, но окрест нас множество людей повалилось наземь кто где стоял, целые вперемешку с поражёнными. На моих глазах один попытался подняться и отбежать, но тут же упал навзничь и больше уже не шевелился. Пули высекали снопы искр прямо у нас перед носом, зелёные трассы металась по тёмной улице, только что хлопнула и зашипела шина нашего автобуса, ранило в левую руку моего соседа прямо под его днищем. В его-то крови я и перепачкался, пока снимал с него верхнее и помогал перетягивать рану.

Стрелки в здании были заняты охотой по движущимся мишеням. Как раз тогда, вероятно, был убит выносивший раненых романтичный американец Майкл Тэрри Данкен (Terry M. Duncan) – двенадцать вытащил, на тринадцатом сам попал на прицел.

То, что происходило потом, не имеет названия. Это не был бой, как утверждают “благодарные своим защитникам” телевизионщики и другие предстатели “демпрессы”, – одна из сторон осталась совершенно безоружной. Это не было и классическим расстрелом демонстрации, потому что люди не разбегались дальше, чем метров на триста. Факт, поразивший весь мир: беспорядки случаются в разных странах, но все их участники обычно ретируются, как только раздаются выстрелы. У нас залегли, но остались на месте, под пулями. Более того, потеряв еще с десяток человек, подожгли бутылками с бензином угол здания, где засели стрелки.

Обливаясь кровью, безоружная, никем не управляемая толпа пыталась сражаться. Это был какой-то массовый Матросов, решивший заткнуть собой глотку вражескому доту, “поганому ящику”, “развратителю”. Долго не сдавались и бились как могли, да клыки в пасти остры – головы сложили, а не заткнули, “ящик” их, мертвых, до сих пор грязью обливает, да и мне покою не дает, потому как не могу я ложь его оставить совсем без ответа, а их память – без моей посильной защиты. . .

* * *

Я задаю вопрос своему товарищу, тоже из Черноголовки, не покидавшему добровольного поста возле Дома от начала всей истории и до конца:

– Слава, я встречал Вас у Дома неоднократно, одну ночь мы здесь продежурили вместе. Но для меня эта ночь была единственной, а вот Вы, как говорится, испили чашу. . .

Рассказывает Вячеслав Г.:

“Я был там с 21 сентября, в Черноголовку вернулся только 5 октября. Мои поступить так же, как и многие мои товарищи: отдежурить какое-то время и освободить место другим. Но передумал, а потом и возможность исчезла. Сперва все было совершенно стихийно, затем те, кто был у Дома постоянно, организовались поотрядно – не столько из оборонных соображений, сколько для удобства самоснабжения и дежурства. Наша баррикада находилась у перекрестка, примыкавшего к жилым домам справа, если стоять лицом к балкону Дома. Люди меня окружали самые разные – от детей до известного историка Алексея Девонисского, с которым я провел большую часть времени. Он погиб утром 4-го.

Смысл дежурства был в том, что мы пресекали провокации, не пропускали со спиртным или с оружием. Бесплатного пива с закусками, как в 91-м у демократов, у нас не было, поэтому и готовили сами. Вообще разница в обстановке возле Дома и в остальной Москве была весьма ощутима, я ведь не только у баррикады сидел, первые пять дней по вечерам уезжал в город, заглядывал в редакцию “Гласности” за материалами. Дом и площадь были островами в мутном болоте, так это воспринималось. Хотя, конечно, не всё – и в идейном, и в практическом смысле – мне там нравилось. Слишком много было пустых разговоров и обещаний. Горы оружия и готовность его применить для защиты – все это оказалось типичной “дезой”. Защитники Дома пугали ею ельцинистов, чтоб не совались, а пресса использовала её же, чтобы настроить против нас обывателя. Довольно много было антиеврейской риторики. Смотрел на это без восторга, но прекрасно понимал, что в сложившейся исторической ситуации без этого, видно, не обойтись: “Бейтар”, по слухам, позже подтвердившимся, расположился в соседней мэрии и участвовал в утренней атаке на нас. Впрочем, у баррикад все ограничивалось лишь словами, на национальность присутствующих никто внимания не обращал, разумеется. В первую же ночь я познакомился с гражданином Израиля, видел его и позже, он чувствовал себя как среди своих. Вряд ли это будет возможно впредь, по эту сторону Рубикона большой крови. Что ж, за все рано или поздно приходится платить. В целом скажу, что если бы это время я провел не там, а в Черноголовке, психологически я бы ощущал себя много хуже, даже учитывая концовку.

Да, иллюзий особых не было. Без оружия – что мы могли? Понимание того, что нас могут просто перестрелять, было, но верили, что обойдется. Поймите, мы чувствовали себя на совершенно законных основаниях, ведь не мы совершали государственный переворот. . . Отбить атаку ОМОНа мы были не

в состоянии, но надеялись сдержать морально и хотя бы на несколько минут, чтобы Дом не застали врасплох.

Когда началась стрельба, это было около семи утра, я находился на своем обычном месте; рядом был Девонисский. Раздался крик, что прорвались “бэтээры”. Действительно, три машины встали перед баррикадой. Первая очередь была воспринята как дурная шутка, как-то не верилось, что для достижения своей цели кому-то потребуется наше физическое устранение. Кто опомнился, побежал в укрытие. Многие, в том числе и я, нападения ожидали, ожидали и серьезного отпора со стороны Дома, но Дом молчал. Те, кто был ближе к газону, побежал туда через парапет и кусты. Залегли. Огонь не прекращался ни на мгновение, казалось, что бьют по гостинице, находящейся у нас за спиной. В это время штук семь “бэтээров” во главе с гусеничной машиной вырвались со стороны Горбатого моста и со скоростью мотоцикла промчались вдоль Белого Дома, стреляя во все стороны. Потом я увидел одного из своих товарищей — он был ранен и пытался отползти, но его добила прямо на моих глазах: он лежал на открытом месте, и всякий раз, когда пытался шевелиться, по нему возобновлялась стрельба. Алексей Девонисский полз рядом с ним, и тогда ему удалось спрятаться; как он погиб потом, я не видел. Я лежал удачнее, чем они, но помочь им, естественно, ничем не мог. Настроение было мрачное от безнадежности, хотя паники не испытывал. Пытался понять, что происходит вокруг. Более всего поражало, что Дом не отвечает ни единым выстрелом и как бы замер. Зачем было хвастать и обещать поддержку? Потом я узнал, что Руцкой отдал приказ “не стрелять”. Что это было? Игра в благородство? А может, он решил, что если Белый Дом не стреляет, то и те не будут? Если так, то он жестоко просчитался — по Дому били с нарастающим ожесточением. (Дом, конечно же, не все время молчал. Приказ Руцкого действовал, пока штурмующие находились вне здания. — М. Ф.)

Что происходило вокруг в течение тех двух часов, вспомнить сложно. Было много стрельбы, свистящих и шуршащих рядом пуль, метрах в 15-ти упало срезанное снарядом дерево. Летали вертолеты. Было довольно шумно, но однообразно. Людей рядом не было, в пределах видимости лежали неподвижные фигуры — скорее всего убитые. Потом появился человек с белым платком. Он пришел извне. Я видел, как он подошел к лежавшему и пощупал пульс. Было ему лет сорок, светловолосый, с усами и бородкой. Увидев меня и поняв, что живой я один, он стал звать меня к каменному строению в глубину газона. Я, наученный горьким опытом, некоторое время тянул, но потом-таки пробежал разделявшие нас 20 метров. Там мы с ним и сидели еще неизвестно сколько. Времени у нас было много, и говорили мы с ним обо всем на свете, стихи читали... Он действительно пришел уже во время расстрела, будучи не за тех или этих, а просто помочь тем, кто нуждался в помощи. Откуда он и как его зовут, я забыл. Помню, что из “глубинки”. Есть у меня мечта: что он прочтет эти строки...

Штурмующие не предлагали нам сдаться или уйти с баррикад. Как я теперь понимаю, к нам отнеслись не как к вооруженному, готовому сражаться противнику, а как к объекту усмирения, устрашения, а в случае развитого карательного вкуса исполнителей — просто уничтожения. Вот и всё. По тому, что я видел сам, мне ясно — задания брать в плен даже безоружных штурмующим не давали. Зато им дали свободу рук, и прояви они чуть больше усердия и чуть меньше организованности, могли бы перестрелять и друг друга, и ликующих зевак заодно.

Наступило временное затишье, и мы решились. Направились перебежками к жилым домам на Рочдельской улице. Удачно перескочили через колючую спираль, добежали до первого подъезда и сидели там некоторое время. Потом решили поискать своих. В результате наткнулись на двух солдат с майором, и те повели нас зачем-то на крышу. На крыше мы снова оказались одни, не помню почему. Спустились и увидели набережную с подбитым “бэтээром”, как нам показалось, по крайней мере, люк в борту был открыт и оттуда шел дымок, в проезде неподалеку стоял целый БТР и водил ствол в поисках цели. Спрятались от греха подальше и вскоре обнаружили своих. Кто-то вспомнил адрес, где можно было отсидеться. Нас пустили, и мы просидели там несколько часов, глядя, как горит Дом, как потом началась его сдача. Еще раньше, с крыши, видели, как по нему били танки. Мы не хотели подставлять хозяйку, если начнется облава по квартирам, и в сумерках вышли. Очень скоро угоди-

ли в руки омонцовцев, которые, в отличие от армейских, к делу отнеслись неформально — если называть делом битые сапогами и прикладами.

Защитники Дома были отданы в распоряжение групп оцепления, и здесь все зависело от конкретных людей и ситуации. По рассказам, стреляли в тех, кто выражал непокорность, был в форме или чем-либо не понравился. Остальных просто били. Я отделался легко, все осталось при мне, не считая очков и треснувшего ребра. Собрали нас, повели. Только тронулись, как охранники наши принялись палить куда-то в темноту. Потом запихали всех в автобус, набили битком, внавал, кому ногу сломало, кому руку вывернуло. Смотрел за нами сержант с автоматом, обещая “успокоить” из него тех, кому неудобно. С большим трудом уговорили его выпустить — не из автобуса, из общей кучи — старика-ветерана. Везли нас на Полянку в отделение милиции. Одному омонцовцу я почему-то показался подозрительным. Объявил меня “боевиком”, которого надо “шлепнуть”. Но это был дежурный юмор, к розыгрышам типа “а этих — в расход” привыкнуть, наверное, трудно, но можно... В милиции охрана сменилась, и больше не били. Долго держали у стены, несколько часов мы простояли, упершись в нее руками. Начались допросы — формальные, без напора со стороны допрашивающих, но все же с угрозой “демократизатором”. Ночь провел в набитой до отказа КПЗ, утром сняли отпечатки пальцев, сфотографировали “на память”, и в середине дня 5 октября большую часть задержанных отпустили. Среди сидевших в КПЗ был один депутат Верховного Совета, был командир одного из отрядов, подраненный в ногу, но сумевший как-то это скрыть. В соседней КПЗ оказался гражданин Китая: видно, гребли всех подряд. Некоторых своих товарищей я потом встречал на митингах...”

* * *

Что же происходило потом? Понедельник был рабочим и учебным днем, полагаю, многие черноголовские студенты могли стать свидетелями того, что наблюдал Сергей, сын моего друга Михаила Д., студент “Бауманки”:

“После часа, когда закончились занятия, я оказался на улице 25-го Октября. Здесь я увидел баррикаду и охраняющих ее очень веселых парней в комбинезонах. Я стал свидетелем такой сцены. Пожилой мужчина остановился перед ними: “В Белом Доме людей убивают, а вы веселитесь”. Тогда один из парней вскочил, схватил его крепко за шею, пригнул и закричал: “А ну, повторяй три раза: “Ельцин — наш президент!” Громче!” — и не отпустил пожилого до тех пор, пока тот не выполнил требуемое.

В начале седьмого я вышел из метро на Смоленской. Улица засыпана битым стеклом, обломками камней и асфальта, кучкуются какие-то люди и что-то обсуждают. Подошел к одной группе. Моложавый человек в длинном пальто и шляпе заводит окружающих, которые и так уже “под градусом”: “Ребята, идем бить коммуны, поднявших руку на законно избранного президента!” Вокруг соглашались, единственная проблема, возникшая в группе, — где искать еще живых “коммунык”. Один кричит: “Идем к Белому Дому, там еще ползают!” Другой: “Пошли на Беговую!” Третий: “Снайперов надо искать!” Ему отвечают: “Они тебя сами найдут, идем на улицу Пятого года, там безоружные”.

Я направился к Новому Арбату, но, не дойдя метров двести, был остановлен цепью ОМОНа. Пока стоял, разговорился с человеком из Фрязино, и он повел меня к Дому через набережную. Я, говорит, был там вчера, сегодня весь день там расстреливали оставшихся. От него я впервые узнал о штурме Дома. Вышли к мосту, в наступившей темноте натолкнулись на цепь солдат. Поразил своим видом страшный пожар Дома, ко многому был готов, но зрелище все равно потрясло. Перед солдатами толпятся довольные зеваки: горит последний оплот коммунизма. Рядом со мной стоял здоровенный мужик в кожанке с мальчишкой-тинейджером, оба в бейсболках. Вдруг со стороны Дома к нам выходит небольшая группа женщин, их пропустили, а те встали и со слезами принялись ругать солдат: “Что же вы наделали, проклятые, не люди вы, а звери”. Здоровый обратился к солдату: “Дай-ка, братан, дубинку, я этой б... глотку заткну, ей, видно, мало досталось”. Оборачиваюсь, говорю здоровому: “Разве можно бить женщин?...” Вдруг тот обнимает меня и начинает исповедоваться: “Братан, да это ж коммуныки, кого жалеешь?”

Их же мочить надо — они в Останкино сколько людей поубивали! Я же только сейчас и жить начал: вот мой сын, ему 12 лет, а уже зарабатывает хорошие деньги на жвачке и сникерсах, мог бы ты в 12 лет при “них” это делать?! Они же меня за спекуляцию сажали, а теперь я — коммерсант, и машина есть, и квартира, и все, что надо!” Я ушел к другой группе, ближе к аптеке, что напротив мэрии, там тоже весело и баночное пиво. Мэрия зияла разбитыми стеклами, стекло покрывало мостовую и хрустело под ногами. Говорят: сейчас будут стрелять. И точно — услышал pistolетные выстрелы и топот бегущих ног. В это время с предпоследнего этажа — второе справа окно новоарбатского небоскреба, того, где глобус вращается, замечаю вспышку, и прямо на меня понеслась трасса. Искры брызнули в пяти метрах, ноги сами подогнулись, кто-то рядом закричал, видно, раненый. Все бросились врассыпную. Опять-таки театрально поперек мостовой разворачиваются два “бэтээра” и начинают долбить из крупнокалиберных по снайперу. В здании что-то загорелось, посыпалось. Стреляли минут пять, потом, видно, решили поиграть силой и протаранили ни за что ни про что стоявшую рядом “поливальку”. Что это был за снайпер?.. Мне приходилось читать, что у защитников Верховного Совета не было трассирующих боеприпасов.

На “Кольце” война еще продолжалась, а мы с тремя парнями, решив, что пора сматываться, побежали к Смоленской. Доходим до метро, а оно закрыто. Только хотели перебежать улицу, как по нам снова ударили очереди. Метрах в 50-ти идут три омоновца и поливают в нашу сторону трассами. Ладно, пьяные оказались. Мы шархнулись за угол, и когда те дошли, кричу: “Вы что, с ума сошли?!” А те: “У нас работа кончилась!” Отдыхают, значит. Мы бежим на Старый Арбат, там какие-то военные с явно нерусскими лицами, смуглые, невысокие — северокавказцы-омоновцы из южных областей, пригнанные на поддержку. На улице брошенные ларьки с товаром — бери, пожалуйста, и темнота. Два раза останавливал патруль, выручал студенческий билет, и уже выйдя к метро, вновь услышал стрельбу. Оказалось, опять бьют по тому же зданию, только с тыла.

Пятого вечером снова был у Белого Дома. Здесь у моста я впервые увидел трупы. Они лежали на набережной, занимая пространство, прикрываемое мостом, и было их около тридцати. Я зашел на мост, смешавшись с толпой, и смотрел вниз. Поодаль лежали еще три трупа в застывших лужах крови и возле них — свечи. Пожар к тому времени прекратился. Толпа на этот раз была настроена антиельцински. Кто-то крикнул: по РТВ будут показывать убитых! Рядом рыдала женщина. Подъехала машина, и вышел мужчина в кожанке. Ну, думаю, “демократ” приехал, но тот подошел к омоновцу и говорит: “Вы, сволочи, за это еще ответите”. Парень интеллигентного вида сказал мне, что от Дома на крытых “ЗИЛах” увозят трупы, и предложил пойти показать. Мы пошли мимо мэрии, и у памятника героям Красной Пресни я спросил у военного из оцепления, из какой он дивизии. Подлетел сержант: “Отойди!” Я осмелел, говорю ему: “Все равно ответите перед народом!” Мой спутник повлек меня дальше: этих, мол, не было тогда, каждые пять часов меняют. А те уж пьяные давно. Обошли стадион и вышли к месту, где теперь крест стоит. Трупов не было, видел лужи засохшей крови и цветы. Народу — только несколько эмвэдэшников и какой-то мужчина в камуфляже, уговаривающий пропустить его на стадион: “Ребята, я такой же военный, как и вы, только я приехал защищать Родину, а вы ее предаете. Дайте же мертвых убрать, там их полно”. Я подошел и поддержал его. На нас залазгали затворами: “А ну назад!” Человек оказался майором ракетных войск из-под Харькова. По нему было видно, что тяжело переживал происходящее. Мы с ним дошли уже до Баррикадной, как вдруг хоп: “Стоять! Почему громко разговариваете?” Окружили омоновцы, вскрыли сумку, сунулись в мой “студенческий”. Обхлопали майора, нащупали перочинный нож: “А это что?” — и удар в лицо, потом под дых и еще прикладом; его поволокли к стене. Я опешил, а они: “Пошел отсюда!”

Шестого числа я уже перелез стену стадиона. Все поле разрыто гусеницами. Ворота со стороны метро на уровне груди — сплошное решето, то же и на подсобных помещениях. Спрашиваю двух солдат: “Убитых в Доме много?” Отвечают: “Мы знаем только, что подземные этажи затоплены и внутри не пускают”. Сюда же зашло несколько жителей окрестных домов, они показали место, где проходили расстрелы — это внутренняя сторона стены, которая сейчас вся расписана извне лозунгами и проклятьями палачам. (И ввос-

ледствии снесенная. — М. Ф.). И действительно, часть резиновой дорожки вдоль стены была снята и сложена в стороне: ее кто-то уже пытался чистить, но это плохо удалось, остались обширные пятна”.

* * *

Совершенно ясно, что боевых действий на территории стадиона не было. Пулевые следы на стенах и постройках могут быть истолкованы, увы, однозначно. Ворота стадиона были открыты на 38-й день. Посетившая его моя знакомая Наталья также рассказывает о многочисленных пулевых отверстиях, но с новой подробностью: в них черенками были вставлены цветы. Здесь она встретила преподавателя и студентку из МГУ, они раздавали ксерокопии “Завещания”, написанного студентом-белодомником в последние часы обороны Дома. Местная жительница рассказывала, как ночью видела погрузку на баржи каких-то тюков, предполагает, что вывозили тела погибших.

Куда делось множество трупов — до сих пор неясно. Во все времена у джеков-потрошителей была одна проблема — как избавиться от тела собственной жертвы. Чего только не изобретали, чтобы полиции не попасться. “Джеки”, стоящие во главе государства, от подобных затруднений избавлены: и трупов нет, и людей таких не было, а если и были, то напрасно. Вопрос закрыт?

* * *

На основании только личных наблюдений и рассказов свидетелей-черноголовцев приходится делать довольно жуткий вывод: власти уже по ходу антиконституционного переворота планомерно провоцировали оппозицию на выступление, затем спланировали и осуществили образцово-показательное подавление восстания ее сторонников в назидание всей нации.

Несколько лет назад по радио один из “последних могижан” русской академической науки сказал: “А что такое человек? Ведь по большому счету не каждый является таковым. Я, например, когда задаю себе этот вопрос, то, зная себя, не могу с полной уверенностью отнести данную особь к человеку. Вот моя жена — да, она точно человек, а я... Не знаю”.

Немногие из нас задаются таким вопросом. Мы, по большей части, не сомневаемся. А зря. Без этой малости, сомнения в собственном человеческом и стремления это доказать, мы просто возглавляем отряд приматов, а лучшим определением нашим будет, по Платону, “двуногое без перьев”. До последнего часа не ясно, по большому счету, до крайнего жеста. Те, оставшиеся в октябре 93-го, уже все за себя доказали.

Нам — еще предстоит.

ПРЕОБЛАДАНИЕ НЕСУЩЕСТВЕННОГО (3-4 октября 1993 г., Москва-Черноголовка)

*Тело живое — нечто несущественное для пули.
Не задерживаясь, она летит дальше
сквозь другие тела
и визжит как от боли,
ударившись об асфальт.*

*Душа вытекает сквозь ничтожную дырку
и нестерпимую боль,
удивлённо озираясь на тело.
Тело, не чуя души,
падает лицом в ладони земли.
Боль для него —
нечто несущественное.*

*Человек несущественен для стрелка за углом.
Внимания к человеку хватает на то,
чтобы вырвать фигуру
из темноты, прицелиться,
спустить курок.
Крика не слышно.*

*Криков не слышно в кресле у телевизора.
Уши набиты враньём комментаторов,
глаза наполнены страхом.
Души человеческой не существует
для того, кто сам обездушен.
Он — то, что он ест,
его жизнь — сплошная еда,
его смерть — как отрыжка.*

*И жизнь чужая, и смерть — нечто несущественное
для наводчика в стреляющем танке.
Нечто существенное — это живые деньги
в своём кошельке
за работу убийцы.
Платит сидящий в кресле
у телевизора.*

*В Москве — усмирение бунта.
На площадях расстрелы и смерть.
Кровоизлияние в сердце России.
— Ничего существенного, — уверяют врачи, пряча трупы. —
Это микроинфаркт.
— Вот это зрелище! — волнуется чернь. — Ещё бы жратвы!..
— Будет! — обещает Главный Хирург, вытирая ручки.
— Едоков стало значительно меньше.
Инфаркт залечили. Второго не пережить.*

*Людей стало меньше.
Кажется временами: на улицах
ни единой живой души.
Так,
нечто несущественное.*

*Когда над существенным
преобладает несущественное,
веселится, пирует нагло и грязно,
значит, лев достался червям.
Если низкое берёт верх над высоким —
значит, корабль перевернулся и тонет,
пускает гигантские пузыри и зрелищем катастрофы
привлекателен для акул
и их прилипал.*